

А.А. Стрельцов

ГИМНАЗИИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Аннотация

В статье дается общее представление о русской гимназии в межвоенный период как целостном феномене. Показан процесс ее возникновения, развития и упадка в период «первой волны» русской эмиграции.

Революционные события и Гражданская война в России привели к тому, что тысячи наших соотечественников были вынуждены покинуть родину и поселиться в разных странах мира. Жизнь в эмиграции стала для них тяжелейшим испытанием. У многих она породила душевный кризис, нередко потерю смысла существования. Одним из важнейших факторов, способствовавших адаптации в чужой стране, как в начальный период изгнания, когда эмигранты надеялись на скорое возвращение в Россию, так и в более поздний период, когда таких надежд уже не осталось, являлась возможность сохранения традиций. В эмиграции произошла переоценка многих ценностей, русские стали больше дорожить своим языком, культурой, стремились передать их молодому поколению.

После революции и Гражданской войны тысячи русских детей школьного возраста оказались за пределами родины. По некоторым данным, публиковавшимся в 20-е годы, их насчитывалось свыше 15 тысяч. Забота о детях в эмиграции началась с первых дней изгнания. На помощь российскому зарубежному образованию пришли русские общественные организации, главным образом земско-городские комитеты (земгоры) в Париже, Праге и других центрах эмиграции, которые поддерживали русские школы в европейских странах.

Наличие учебных заведений было одним из факторов стабилизации эмигрантской жизни и формирования специфической русской культуры. Главной задачей русской средней школы в условиях эмиграции было «дать детям русских беженцев образование и воспитание в истинно национальном и патриотическом духе на православных началах», «сохранить русских детей для будущей России» [13]. Образцом для школ, основанных диаспорой, послужила русская гимназия.

История русской гимназии за рубежом берет начало в 1920 г. в турецком Константинополе, перевалочной базе российских эмигрантов. Тогда Всероссийский союз городов поставил своей целью не только спасти русских детей, но и дать им приличное образование.

Не имея материальных средств, Союз в течение четырех месяцев искал людей, которые поддержали бы инициативу открытия русской гимназии-интерната.

Рассчитывать на помощь турецкого правительства не приходилось. Десятки тысяч беженцев, непрерывным потоком хлынувших в страну, и в особенности «остатки» врангелевской армии, разместившиеся на Галлипольском полуострове, вызывали серьезное беспокойство властей. Да и сам Константинополь не мог стать культурным центром русского зарубежья вследствие языковых и религиозных барьеров [10].

Откликнулись в первую очередь иностранцы. Американский профессор Томас Уитмор нашел помещение, оплатил его на год вперед, сам руководил ремонтом полуразрушенного турецкого дома в 32 комнаты. 5 декабря 1920 г. состоялось торжественное открытие гимназии в Константинополе. Первым ее директором стал А.П. Петров. Вскоре после открытия здесь училось 320 детей (вместо 150 по плану), часто они приходили сюда по собственной инициативе, направляли детей и Союз городов, и Красный Крест. В августе 1921 г. гимназия насчитывала около 400, а к концу первого года существования — уже 550 учащихся в восьми классах.

Однако иностранной помощи и субсидий со стороны русских общественных организаций было недостаточно. Вскоре гимназия оказалась под угрозой ликвидации. Русские учебные заведения в Константинополе имели свои особенности: они создавались в экстремальных условиях и имели временный характер, так как было очевидно, что Константинополь может быть только временным пристанищем для такого огромного количества людей, отдельным этапом на пути его дальнейшего расселения [9].

Начались переговоры председателя попечительского совета Аделаиды Владимировны Жекулиной с представителем чехословацкого правительства, заместителем министра иностранных дел Вацлавом Гирсой о переводе гимназии. Их стараниями, а также при помощи Международного Красного Креста дети и персонал были отправлены в Чехословакию.

Гимназия разместилась в помещениях бывшего лагеря для русских военнопленных около городка Моравска Тржебова. Комплекс насчитывал 32 хорошо оборудованных здания. Гимназия включала в себя два школьных здания с 14 классами, кабинет физики, химическую лабораторию, класс ручного труда, музыкальный кабинет, гимнастический зал, театральный зал, библиотеку, церковь, детский сад, спальные комнаты, столовую, пекарню, склады, прачечную, баню и квартиры для служащих [8].

Параллельно в Праге, в предместье Страшницы, возникла русская школа, инициатором открытия которой стало Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (Земгор). Первоначально, осенью 1921 г. в ней было всего 16 учеников. Но рост числа эмигрантов, проживавших в Праге, делал необходимым создание полной средней школы. Так, прогимназия Земгора

начала быстро расти и в 1923 г. превратилась в среднее учебное заведение с интернатом — русскую гимназию. Ее первым директором был Сушков, кубанский педагог и общественный деятель, вторым — чех из России Сватек.

На содержание гимназий и интернатов чехословацкое правительство отпускало крупные суммы (до 660¹ крон в месяц на ученика). Первые шесть лет русские гимназии находились под опекой Министерства иностранных дел². Гимназисты получали от него полный комплект русской форменной гимназической одежды, питание и все учебные пособия на русском языке [16].

Чем объяснить такую заботу молодого, недавно восстановившего свою независимость государства? Ведь правительство Чехословацкой Республики не просто позволило представителям русской эмиграции обустроиться в стране, найти работу, получить образование, но и способствовало созданию условий для сохранения национального самосознания и родной культуры. Ни одна другая страна не сделала для тысяч наших сограждан и половины этого. Ответ кроется в эмиграционной политике правительства Чехословакии. Помощь его была не просто гуманитарной, а вполне целенаправленной. Вся кампания получила название «Русская акция».

У «Русской акции» были свои особенности прагматического характера. По замыслу первого президента страны Т. Масарика, надо было «собрать, сберечь и поддержать остаток культурных сил России...». В то время как многие другие страны открыли двери для всех беженцев из России, правительство Чехословакии стремилось регулировать поток русских эмигрантов. В республику смогли приехать преимущественно деятели науки, экономисты, инженеры, агрономы, писатели, театральные деятели, а также молодежь для получения образования. К середине 1920-х годов численность русских эмигрантов не превышала 30 тыс. человек. Но тем не менее Прага стала важнейшим культурным и научным центром русской эмиграции [19]. Достаточно сказать, что приют здесь нашли многие русские писатели: К. Бальмонт, И. Бунин, З. Гиппиус, А. Куприн, А. Аверченко и многие другие. «Вечная благодарность русских людей Вам и Вашему народу за то, что Вы осуществили больше всех других славянских народов великую идею нашего братства», — писал Мережковский Масарику. Марина Цветаева добавляла: «Вспоминаю Прагу и где можно, и когда можно ее страстно хвалю» [7, с. 26].

Прага возвратила себе былую славу столицы ученых, город стал подлинным центром образования и науки. Комплекс располагавшихся в ней образовательных заведений включал не только приюты для сирот и школы, но и институты и даже университеты. Недаром Прага именовалась «русским Оксфордом» — одних профессоров здесь было более полутора сотен.

¹ 100 чешских крон — приблизительно 1 доллар США.

² Министр, будущий президент Э. Бенеш.

Хотя единый административный орган управления образованием в русском зарубежье отсутствовал, координирующие организации в своем большинстве располагались в Праге. Это Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей, Объединение русских учительских организаций за границей, Русский педагогический кружок, при котором действовали предметные комиссии. Издавались журналы: «Бюллетень педагогического бюро...» (ред. О. Зеньковский) и «Русская школа за рубежом» (под ред. С.И. Гессена) [23].

Организацией школ, изданием журналов, трудоустройством и прочими делами занимался Земгор. Он был создан в 1921 г. с целью оказания русским эмигрантам всех видов помощи, а попутно и их регистрации. В первую очередь Земгор, а также различные благотворительные организации, которых в то время в Чехословакии насчитывалось более сотни, и частные лица призваны были оказывать материальную и моральную поддержку эмигрантам. При этом основные средства на «Русскую акцию» поступали через Министерство иностранных дел и фонд президента. Всего же за время кампании Чехословакия истратила на нее более полумиллиарда крон, или 5% среднегодового бюджета страны, — больше, чем все остальные европейские страны, вместе взятые. Как написал в сочинении один из учеников русской гимназии, «чехи не дали погибнуть русской культуре» [19]. Трудно найти более теплые слова благодарности руководству Чехословакии и ее народу за оказанное гостеприимство.

Другим государством на Балканах, ставшим притягательным для эмигрантов, явилось Королевство сербов, хорватов и словенцев. Здесь нашли приют до 45 тыс. беженцев. Большинство стремилось осесть в восточной, православной, части Королевства СХС, население которой, по их словам, было дружески к ним расположено. Широкий простор для культурной деятельности и сохранения русской самобытности объяснялся не только тем, что король Александр в свое время учился в России и был поклонником и знатоком русской культуры, но и острой нуждой недавно образованного государства в опытных кадрах. В 1921 г. почти 75% населения страны было неграмотным, а многие учебные заведения находились в стадии становления.

Власти нового государства позволили русским беженцам открывать свои больницы, библиотеки, читальни и книжные магазины, организовывать типографии, печатать газеты, журналы, книги и даже создать свою автономную школьную систему. Русские гимназии имелись в Великой Кикинде (женская), Земуне, Новы Саде, Дервенте, Дубровнике и Панчево — везде, где существовали русские колонии [12].

Эмигранты особенно стремились поселиться в Белграде, поскольку многие из них только в столице могли найти работу, где были бы востребованы их знания. В начале 1930-х годов здесь проживала уже треть всех русских, осевших в королевстве. Неудивительно, что именно здесь возникла одна из первых гимназий русского

зарубежья. русско-сербская смешанная гимназия была основана 14 октября 1920 г., почти на два месяца раньше, чем константинопольская. Ее основным учредителем и первым директором стал В.Д. Плетнев, бывший профессор Санкт-Петербургского университета. Здесь учились преимущественно дети интеллигенции. К 1929 г., когда число учащихся достигло 250, гимназия разделилась на мужскую и женскую [14].

Гостеприимство и братскую помощь эмигрантам из России оказывала и Болгария. Здесь к 1922 г. насчитывалось шесть русских гимназий, располагавшихся в Софии, Варне, Пловдице, Шумене, Долно-Оряховце и Пештере. Они оставили не столь яркий след в общественной и культурной жизни эмиграции, и число учащихся в них было невелико. Гимназии были созданы благодаря общественному Объединенному русско-болгарскому комитету помощи русским беженцам прежде всего для того, чтобы временно трудоустроить представителей гражданской и военной интеллигенции [5, с. 175].

В более тяжелом положении оказались русские учебные заведения в государствах, образовавшихся на территории бывшей Российской империи, прежде всего в восточной Польше и Прибалтике. После 1919 г. существовавшие здесь русские гимназии были ликвидированы. Причина не только в росте националистических настроений. Правительства молодых, только что обретших суверенитет государств — Республики Польской, Литвы, Латвии и Эстонии — не желали их финансировать. По всей видимости, их тяготили даже культурные связи с «поработившей» их Россией.

Вновь возникшие на территории этих государств русские школы были частными. Из литовских можно назвать лишь гимназии в Вильно и Ковно. Более развитой сеть русских школ была в Эстонской Республике. Здесь число русских гимназий было довольно большим: в начале 20-х годов их насчитывалось 12: четыре государственных — в Ревеле, Тарту, Нарве и Печорах, 5 частных и 3 финансировались эмигрантскими организациями. Старейшей являлась Нарвская городская гимназия. Ее история берет начало в 1875 г. Это была единственная русская гимназия в Эстонии, в которой занятия не прерывались даже во время революции и войны. Во главе школы с конца XIX в. стоял А. И. Давиденков, а в 1920–1933 гг. — известный педагог и общественный деятель А.В. Васильев. Гимназия просуществовала до 1938 г.

На Нарвском шоссе в Ревеле (Таллин) находилась первая русская частная гимназия, открытая на средства общества «Русская школа в Эстонии». Ее бессменным директором был Л.А. Андрушкевич. В августе 1923 г. произошла реорганизация гимназии и разделение ее на частную и городскую. Четыреста гимназистов разделили примерно поровну, но еще продолжительное время обе гимназии размещались в одном здании. Таллинскую русскую городскую гимназию первоначально возглавил Г.В. Бархов, а после его смерти в 1928 г. А.С. Пешков [6]. В результате проводившейся правительством последовательной эстонизации всей системы духовной

культуры и образования число русских гимназий постепенно сокращалось, а к концу 1930-х годов остались только эти три.

В те же годы аналогичный процесс проходил и в Латвии. Хотя в 1919 г. был принят закон Народного совета об учебных заведениях Латвии, который определил, что школь-ная система национальных меньшинств «автономна в своей организации» [22]. Плата за учебу была доступна не всем, бесплатно могли учиться лишь несколько способных учеников. К тому же уже через несколько лет были приняты Правила о государственном языке, и в русских школах стали вводить преподавание ряда предметов на латышском языке. Была даже предпринята попытка вообще прекратить финансирование русских школ, поскольку государство должно содержать только свои школы для того, чтобы происходила интеграция национальных меньшинств в латышскую среду. Последнее не соответствовало действительности, поскольку около половины учащихся национальных школ ввиду их престижности составляли нерусские дети.

Когда к власти пришло правительство Карлиса Улманиса, права национальных меньшинств в Латвии были ограничены. Оно весьма своеобразно стимулировало обучение детей в латышских школах. В 1934 г. был ликвидирован и русский отдел при Министерстве образования, а на следующий год русские гимназии в Двинске, Режице, Люцине, Пыталове и других городах (всего около 30) объединились в одну — Рижскую русскую правительственную гимназию [1].

В Польше собственно русской следует считать лишь столичную гимназию. По иронии судьбы ее также можно было назвать пражской, потому что она располагалась в Праге, в правобережном предместье Варшавы. Гимназии с русским языком преподавания возникли и на территории нынешней Украины — в Ковеле, Луцке, Львове и Ровно. В Западной Белоруссии в 1918 — начале 1920-х годов были открыты шесть частных белорусских гимназий: Браславская, Виленская, Клецкая, Новогрудская, Несвижская, Родошковичская. Все они были восьмилетними и имели гуманитарный уклон. Организационную и финансовую помощь белорусским гимназиям оказывали «Товариства беларускай школы» (ТБШ).

После заключения Рижского договора в 1921 г., когда Западная Белоруссия перешла под владение Польши, польские школьные власти начали выдавать лицензии сроком только на один год на существующие частные гимназии, устанавливая при этом, что преподавание в первом классе будет вестись на польском или на местном, в данном случае белорусском, языке. Таким образом, постепенно все гимназии через несколько лет переходили на преподавание на польском или белорусском языке.

Те из русских гимназий, которые отважились преобразоваться в белорусские, не нашли сочувствия со стороны властей. Кроме того, власти заняли по отношению к ним весьма недоброжелательную позицию и создавали для них разнообразные препятствия. По этой причине практически все русские гимназии в Западной Белоруссии стали преобразовываться в польские. Государственных гимназий

с обучением на белорусском языке не существовало, а польские легко получали статус государственных. Таким образом, большинство русских школ и гимназий в Польше просуществовало не более пяти-шести лет, они были либо закрыты, либо превратились в польские. Дольше всего просуществовали Виленская белорусская гимназия (1919–1936) и Брестская русская гимназия (1924–1939). Последняя оставила весьма заметный след в истории русской эмиграции.

Она была учреждена Русским благотворительным обществом и принадлежала его брестскому отделу. Первым директором гимназии в Бресте стал В.С. Трушинский, в 1932 г. на этом посту его сменил К.М. Розенович. Оба имели опыт руководства учебными заведениями подобного типа и смогли наладить не только преподавательскую, но и воспитательную работу. Благодаря этому гимназия смогла не только просуществовать столь долгое время, но и стать центром культурной жизни для местных эмигрантов. При гимназии работали различные кружки. Сюда на всевозможные праздники, литературные вечера, концерты, театральные представления собиралось почти все русскоязычное население Бреста [25].

Подводя итог, необходимо отметить, что система русского образования в странах-лимитрофах (от лат. *limitrophus* — пограничный, так в период между мировыми войнами называли пограничные с Россией страны) имела свои особенности, обусловленные политическими и социальными причинами:

1. Европейские государства были склонны оказывать эмигрантам из России щедрую помощь не только из «братских» или союзнических соображений, но и в пику большевикам. Так, Париж признал врангелевское правительство, а Югославия и Чехословакия до середины 1930-х годов отказывались признавать Республику Советов. Между тем именно существование СССР как субъекта международного права оправдывало суверенитет прибалтийских республик и Польши, а также территориальные приобретения последней.

2. Российское зарубежье было представлено в основном интеллигенцией, которая селилась преимущественно в городах. Поэтому, несмотря на зачастую тяжелое материальное положение, сельским хозяйством занимались немногие, преимущественно казаки.

3. В Восточную и Западную Европу через Константинополь эмигрировала наиболее активная часть наших соотечественников. Польша и Прибалтика в силу сложившихся стереотипов не рассматривались ими как заграница. Русские, многие из которых жили здесь еще до войны, также не считали себя эмигрантами.

Это объясняет их относительную пассивность при проведении антирусской политики правительствами этих государств. Последнее знали, что существование полноправных средних учебных заведений с русским языком преподавания имело для всего русского национального меньшинства большое значение как в культурном, так и в экономическом отношении, но сами не были заинтересованы в их скорейшей ассимиляции. Более того, подчас эмигрантские гимназии не имели права официально именовать себя гимназиями

и имели статус общеобразовательных курсов (например, Нарвская русская эмигрантская гимназия официально называлась «Русские средние общеобразовательные курсы Комитета русских эмигрантов»).

Поскольку, несмотря ни на что, многие дети переходили в гимназию, выпускникам старались давать «практичное» образование. Оно позволяло им работать в любой отрасли промышленности, а также секретарями со знанием машинописи, гувернантками и учителями младших классов. Таким образом, с точки зрения властей, получать высшее образование всем было даже необязательно, гимназия достаточно хорошо готовила своих выпускников для будущего трудоустройства [21]. Однако русское население отчетливо ощущало, что подрастающему поколению становится крайне трудно пробить себе дорогу на родине, поэтому многие молодые люди уезжали, чтобы найти применение своим талантам в других странах.

Среди государств, где беженцы из России нашли приют, были Германия и Франция. Здесь их было даже больше, чем в Восточной Европе, но жизнь в изгнании от этого легче не становилась. Примером может служить «мачеха русских городов» Берлин, который первоначально был едва ли не крупнейшим культурным центром русского зарубежья.

В начале 1920-х годов в Берлине открылись две русские гимназии. Первая была основана Русской академической группой в 1921 г. Занятия в ней проводились во второй половине дня в помещении немецкой частной школы. Второй была школа Св. Георгия, созданная пастором И.А. Мазингом. Она имела классическое и коммерческое отделения, а также интернат. Выпускники этих гимназий обладали правом поступать в высшие учебные заведения Германии [3].

Период временного благополучия продлился недолго. В результате тяжелейшего экономического кризиса, поразившего Германию, русская интеллигенция начала покидать город на Шпрее. Закрылись русские театры, прекратили свое существование научные и общественные организации.

Несколько лучше ситуация складывалась в Париже — «столице эмиграции». Здесь находились Союз адвокатов, Объединение врачей, Союз писателей и журналистов, Общество охранения русских культурных ценностей, Русский народный университет, Православный богословский институт, Русский политехнический институт, Русская консерватория и русские отделения и курсы при Сорбонне и Парижском университете.

Несмотря на обилие высших учебных заведений, система среднего образования для детей российских эмигрантов во Франции была поначалу организована гораздо слабее, чем в большинстве других европейских стран. Между тем наших соотечественников здесь было в шесть раз больше, чем в той же Чехословакии. Русские дети в Париже и других городах страны обычно получали образование на специальных отделениях при французских средних учебных заведениях или же в частных школах. Примером последней может служить гимназия «Александрино» в Ницце, которая была

открыта в 1925 г. [2]. Тем удивительнее, что именно здесь возникло едва ли не лучшее общеобразовательное учреждение в эмиграции — Русская гимназия в Париже. История ее появления весьма примечательна.

В начале 1920 г. были созданы курсы для подготовки русской молодежи к экзаменам на аттестат зрелости. Их организатором был гимназический учитель С.Г. Попич. Занятия проходили в здании посольства на улице Гренель, на квартире бывшего посла Временного правительства в Париже В.А. Маклакова³. После первого выпуска, который состоялся летом того же года, было объявлено об открытии в Париже русской средней школы. Набор учеников начался в сентябре.

Деятельное участие в организации школы приняли Общество помощи детям беженцев из России и лично его председатель М.А. Маклакова (сестра посла). Первым директором школы стал В.П. Недачин, до революции возглавлявший Медведниковскую гимназию. Вероятно, ожидалось, что с его назначением традиции одного из лучших частных учебных заведений в России конца XIX — начала XX в. возродятся во всем блеске на новом месте. В состав учредителей вошли сам Недачин, его будущий преемник Б.А. Дуров, С.Г. Попич, М.А. Маклакова и ряд других лиц.

Занятия начались в первых числах октября. Школа была в подчинении французского Министерства народного просвещения, и выдававшиеся в ней аттестаты зрелости приравнивались к французским. Число учащихся росло и к 1926 г. достигло 230.

При очевидной популярности к концу 1920-х годов над школой нависла угроза закрытия вследствие серьезных финансовых трудностей. «Общество помощи...» было само ограничено в средствах, а рассчитывать на увеличение платы за обучение не приходилось: до 70% учащихся школы ввиду тяжелых материальных условий в семье учились бесплатно или пользовались льготами. Ситуация изменилась, когда новым председателем «Общества...» стала Лидия Павловна Детердинг (княгиня Донская⁴). Ее муж, известный нефтяной магнат Генри Детердинг, в течение многих лет субсидировал все нужды школы. Так как старое помещение на улице Д-ра Бланша с трудом вмещало всех учащихся, летом 1930 г. был приобретен особняк вблизи Булонского леса. Сама школа в том же году была преобразована в гимназию. О том, какое значение придавалось ее открытию, свидетельствует хотя бы тот факт, что новое здание освятил митрополит Евлогий, глава Русской православной церкви в Западной Европе. Русская гимназия им. леди Детердинг просуществовала долгие годы и стала одним из культурных центров русского Парижа. В ее стенах проходили выставки, праздники, дни русской культуры и даже новогодние театрализованные елки [18].

³ С 1932 г. глава Совета послов, организатор Русского бюро для юридической помощи эмигрантам в Париже; масон, участник убийства Г.Е. Распутина.

⁴ Этот титул ей пожаловал великий князь Кирилл Владимирович.

Обзор истории гимназического образования русского зарубежья будет неполон без упоминания о восточном центре эмиграции. Со времен строительства КВЖД вдоль китайско-российской границы проживало много наших соотечественников. Еще до революции здесь были частные русские гимназии: гимназия им. Д.Л. Хорвата, смешанная гимназия В.Л. Андерса, классическая гимназия Я.А. Дризуля. Начиная с 1918 г. приток эмигрантов из России увеличился. С 1920 г. здесь действовали педсекция, 20 гимназий, из них 7 частных (например, гимназия Оксаковской, гимназия им. Достоевского), а также ряд начальных и высших учебных заведений. Большинство из них (в том числе 9 гимназий) находилось в Харбине — «России за границей», как его иногда называли. Русская колония здесь была весьма многочисленной. Остальные гимназии находились в Шанхае, Чанчуне, Дайрене, Хайларе и ряде других городов.

В целом, несмотря на довольно обширную географию, русская гимназия в 1920-х годах представляла собой достаточно цельный педагогический феномен. Национальные особенности тех стран, в которых располагались гимназии, оказывали незначительное влияние на образовательный процесс. Одна из причин этого — сходные условия, в которых они формировались.

Помимо характерной для беженцев душевной надломленности у детей, педагоги столкнулись с их рано проявившейся взрослостью, наступившей не в результате естественного развития, а из-за тяжелых жизненных впечатлений. Первыми гимназистами были дети, пережившие трагедию революции и ужас войны. Среди них было немало (до 40%) «переростков», участников Белого движения. Большинство восьмиклассников были уже взрослыми людьми, воевавшими в Гражданскую войну, имевшими ранения и Георгиевские кресты. Директор гимназии в Моравской Тржебове, историк Светозаров вспоминал, как в его школу приходили подростки в грязных солдатских шинелях, «с глазами, полными отчаяния». Для них школа стала не просто «местом учения», а частью нормальной жизни, в которой они снова могли почувствовать себя детьми. «Как ни тяжело сложилась жизнь нашего юношества в эмиграции, можно с уверенностью сказать, что школа вернула большинство из них к жизни и выпрямила надломленную психику», — писал позднее преподаватель Шуменской гимназии Альфред Бем.

Другой серьезной проблемой, которую должна была решать школа, была денационализация русской молодежи за рубежом. Речь не идет о некоей особой нации, России вне России, которую, по мнению американского журналиста Хонтингтона, представляли собой русские эмигранты. Определение «национальное» относится к могучему объединяющему слову «Россия». Под денационализацией понимался социальный и психологический процесс постепенной утраты эмигрантом (и его потомками) жизненной и идейной связи с отечеством, вызванный давлением окружающей иностранной среды и ее ценностей и внутренним отталкиванием, отчуждением от исторических проблем и путей своего народа на родине и от эмигрантского бытия [11].

Эта проблема волновала сознательные слои русской эмиграции чуть ли не с первых дней пребывания вдали от родины. Их нежелание ассимилироваться в странах проживания объяснялось уверенностью в скорейшем возвращении домой.

В.В. Зеньковский подчеркивал: «Чужая жизнь, иностранная школа, чужеродная культура охватывают со всех сторон наших детей. Они невольно и незаметно для себя поддаются ее влиянию, а порой и очарованию... происходит не одна только потеря языка, а более глубокий и подчас непоправимый отрыв от национальной стихии... от русской культуры...» [15]. Церковь и общественность видели утрату «русскости» в душах детей и молодежи, воспитывавшихся в чужеземной среде. Предлагалось даже ввести для старшеклассников особую дисциплину — родиноведение. Ведь спасти подрастающее поколение от гибели, от неизбежной денационализации могли только школа на русском языке, воспитание в духе любви к России, к истории и культуре ее народа.

У эмигрантской школы была своя особая задача, какой не было ни у одной школы. Ведь «как бы ни разворачивались исторические события, как бы ни отдаляли они возвращение на Родину, все-таки не подлежит никакому сомнению, что Россия не умерла, что не может умереть культура многомиллионного народа. Отсюда совершенно явной становится та специальная задача, которая поставлена эмигрантской школой: эта школа должна сохранить русскую культуру, привить детям и сохранить у них любовь ко всему родному — русскому, научить их понимать красоту родного языка, родного искусства, понять и оценить родную историю...» [19].

Трудовое начало также проникало в русские гимназии: в них действовали мастерские, где можно было обучиться какому-нибудь ремеслу (столярному, слесарному, сапожному, переплетному, портняжному, резьбе по дереву, садоводству, огородничеству). Не в теории, а на практике вошел труд в эмигрантскую школу. Без активной помощи учащихся в обслуживании хозяйственных нужд школы целый ряд эмигрантских школ едва ли смог бы поддерживать свое существование.

Ценности практикоориентированного образования оказали влияние и на воспитательный процесс. «Гимназия стремится развить в учениках максимум самостоятельности», «сделать выпускников более приспособленными к жизни и к самостоятельному заработку» — так по-новому формулировались задачи русской школы за рубежом, которая обязана была воспитывать людей, способных нести ответственность за свое дальнейшее образование и существование. Это была двуединая задача: эмигранты стремились не только сохранить у детей знание традиционной русской культуры, но и привить навыки, которые позволили бы им играть созидательную роль в будущей освобожденной России [20].

Русская средняя школа за рубежом работала по учебным планам гимназий и прогимназий, утвержденным МНП дореволюционной России. Предпочтение отдавалось так называемой Игнатъевской

программе. П.Н. Игнатьев⁵ выступал за создание единой в своей основе и максимально разнообразной в частностях системы образования, ориентированной на отечественную культуру. Семилетний курс единой средней школы состоял из двух ступеней: I — с трехлетним общим обязательным для всех учащихся содержанием обучения и II — с четырехлетним сроком обучения, которая делилась на четыре направления: гуманитарно-классическое, новогуманитарное, реальное с преобладанием естественных наук, реальное с преобладанием математических наук. Для юношей и девушек предусматривался равноценный гимназический курс.

Игнатьевская модель была универсальной, она позволяла осуществлять непрерывность образования, что в условиях эмиграции было крайне важно, а также обеспечивала выбор учащимися классического или реального направления образования. Кроме того, в учебных планах было предусмотрено достаточно времени на факультативные курсы, которые были заменены изучением языка, литературы, истории, географии тех стран, где находились гимназии, не внося существенных изменений в учебные планы [13]. Не реализованная по объективным причинам на территории России, благодаря своей гибкости и возможности соединять опыт работы в старых гимназиях с новыми условиями она пользовалась широкой популярностью в русских школах за рубежом. Прежде всего это относится к совместному обучению.

Средние учебные заведения подобного типа стали появляться в России в начале XX в. Для создания подобных «двуполых» гимназий требовалось специальное разрешение, поскольку средние совместные учебные заведения считались общественно вредными. В эмиграции атмосфера была более демократичной, поэтому (а также из-за нехватки помещений) большинство русских гимназий за рубежом были смешанными. По мнению педагогов, «совместное нахождение в школе с интернатом на мальчиках отражается благотворно. Оторванные от родного очага, не имеющие близких, они находят в такой школе условия, приближающиеся к нормальным». Правда, на мальчиков совместное обучение действовало более благоприятно, чем на девочек. «Вносимая девочками чистота нравов и отношений спасает их от одичания и огрубения и дает им случаи упражнять заложенное в каждом из них стремление защиты и помощи слабому. Близость девочек заставляет мальчика внутренне подтягиваться, сдерживаться от грубых выходок», тогда как «близость мальчиков делает девочек более легкомысленными, а близкая и всегда готовая помощь со стороны однокашников способствует развитию в них беспечности» [4].

Совместное обучение вместе с системой интернатов как бы восполняло семьи. Роль семьи в воспитании ребенка огромна, а среди учащихся было много сирот. Сами гимназии часто создавались вдали

---

⁵ Граф, министр народного просвещения (1915 — декабрь 1916), в эмиграции — председатель Российского общества Красного Креста.

от больших городов, и дети, пережившие годы скитаний и лишений, попадали в такую обстановку, из которой они могли войти в жизнь здоровыми физически и морально.

Однако ситуация с русскими школами была стабильной только несколько лет. Уже к концу 1920-х годов началось реформирование русских гимназий, находившихся в Восточной Европе. Это касалось не столько модернизации учебного процесса, сколько изменения его содержания. Еще при создании гимназий в их программы закладывался «местный» компонент — язык и история той страны, на территории которой они находились. Со временем менялся статус русских школ: они не только поддерживались, но и переходили (чаще передавались) в ведение министерств народного просвещения этих стран и получали статус государственных. Доля коренного населения в них возрастала, а сами русские школы постепенно утрачивали свой специфический, национальный характер. Сильнее всего подобная политика проявилась в Румынии.

В январе 1918 г., накануне Гражданской войны, войска этой страны вторглись на территорию России. Ими была оккупирована Бессарабия, включавшая нынешние Молдавию и юго-запад Одесской области Украины. Перед новыми властями встала задача румынизации местного населения, которому была чужда прозападная ориентация Румынского королевства. Одним из проводников политики национализации им виделась школа: «В школе все учатся мыслить одинаково, приобретать общие чувства рода и крови. Школа призвана формировать единое национальное сознание и укреплять нацию» [17].

В стране начался образовательный «бум», отчасти предвосхищавший борьбу за ликвидацию безграмотности в СССР. Количество школ и число учеников и учителей в них ежегодно возрастало, однако их материальная и дидактическая база не была обеспечена в соответствии с реальными потребностями. Не хватало местных учителей, которые могли бы преподавать на румынском языке, школьных и публичных библиотек. Рост количества школ значительно опережал возможности для строительства школьных зданий, а местные бюджеты, призванные их финансировать, не могли покрыть всех расходов. Таким образом, благая забота о повышении образовательного уровня населения вошла в противоречие со скудными финансовыми ресурсами, направленными на ее реализацию [24].

Особая ситуация сложилась со средним образованием, поскольку многие из уже существовавших школ вынуждены были подвергнуться реорганизации. Примером этого может служить Измаильская мужская гимназия. Первоначально она сохраняла статус классической. В ней обучалось около 250 человек. Упор делался на изучение «новых» иностранных языков, в перечне предметов были химия, политэкономия и административное право. Присутствовал и «румынский» компонент.

В 1924–1928 гг. была проведена школьная реформа, которая унифицировала всю систему образования в Румынии. Вводились: триместровая система обучения, причем учебный год длился с 16 сентября

по 14 июня; 10-балльная система оценок и «палочная» система воспитания, при том что рукоприкладство в российских школах было изжито к концу XIX в. Общение на русском языке в гимназии запрещалось [17]. Повысилась стоимость обучения, а государственная стипендия выплачивалась лишь после сдачи конкурсного экзамена. Хуже всего было то, что удостоверения об окончании гимназии не давали права поступления в высшие учебные заведения, тогда как во всех других странах аттестаты русских гимназий были приравнены к местным.

В других странах денационализация, которой так боялись эмигранты-патриоты, проходила медленнее и не столь радикально. Однако этот процесс являлся типичным для всех русских школ. Чтобы разобраться в причине подобных изменений, стоит проследить дальнейшую судьбу гимназий в Чехословакии.

В первые годы существования советского государства его положение было весьма шатким. Многие в Европе с нетерпением ждали падения большевистского режима. Прежде всего сами беженцы, для которых жизнь вдали от родины казалась временным явлением, а крах большевизма — неизбежным. В их глазах эмиграция была оправданной лишь в том случае, если она стояла на пути действенной борьбы за свободу своего народа. Поэтому предназначение русских школ за рубежом состояло не только в сохранении русской культуры, но и в подготовке будущих борцов за свободную Россию.

На этот аспект своевременно обратило внимание правительство Чехословакии и поступило весьма дальновидно. В рамках «Русской акции» оно постаралось создать мигрантам все условия для работы и учебы. Расчет был прост: после свержения большевиков государство, которое дало приют беженцам в годы лихолетья, могло рассчитывать на определенного рода признательность со стороны правительства новой России. Большое количество детей и молодежи, которые получали образование на чешской земле и воспитывались в духе благодарности ее народу, обеспечивали долгосрочную перспективу этим замыслам. Но не все сложилось, как планировалось.

Шли годы, а СССР лишь укреплял свои позиции на международной арене. Чехословацкое правительство все сильнее подвергалось давлению со стороны Москвы, раздраженной тем, что оно предоставило убежище русским эмигрантам. Существовали и внутренние проблемы. Остро стояла проблема трудоустройства молодых людей, которых крушение надежд на возвращение домой заставило искать работу за границей. Таких специалистов к 1928 г. в одной Чехословакии было около двух тысяч.

«Русских в эмиграции было слишком много», — писал С. Эфрон [7, с. 29]. Готовившиеся для новой России научные и инженерные кадры не всегда могли в силу специфики своего образования найти себе применение. Рабочие места, занятые эмигрантами, постепенно освобождались для граждан республики. Во второй половине 1920-х годов правительство Чехословакии приступило к постепенному сокращению средств на «Русскую акцию». К 1930 г. ежегодная

финансовая помощь уменьшилась в 6 раз по сравнению с 1923 г. — с 90 млн до 15 млн крон, во столько же раз она сократилась к 1937 г. [7, с. 30].

Изменения затронули и систему образования. Гимназия в Моравской Тржебове была объединена с Пражской, учебные программы в Объединенной реформированной русской гимназии были пересмотрены с целью унификации с чешскими. К этому времени были ликвидированы и координационные центры, находившиеся преимущественно в Праге. Таким образом, «Русская акция», принесшая большую пользу нашим соотечественникам, была почти свернута к моменту оккупации страны. Оставшихся средств хватило, однако, чтобы гимназия в 1939 г. смогла переехать из барачных помещений в современное помещение на Панкрац. Занятия в ней под руководством П.Н. Савицкого продолжались и в первые годы войны.

С начала 1930-х годов многие эмигранты потеряли надежду на возвращение в Россию и стали отдавать детей в местные школы. По этой причине, а также из-за материальных проблем и вышеупомянутой политики национальных правительств многие эмигрантские школы прекратили свою деятельность. Вторая мировая война лишь способствовала этому процессу: оккупация фашистами Чехословакии и Югославии, советская оккупация Литвы, Латвии и Эстонии, присоединение Западной Белоруссии и Западной Украины соответственно к БССР и УССР, а летом 1940 г. Бессарабии к Молдавской АССР положили конец существованию русских школ на их территориях.

Примером может служить история Валгаской русской частной гимназии в Эстонии, открывшейся в 1935 г. Обучались в гимназии учащиеся различных национальностей — русские, поляки, евреи, немцы, латыши, эстонцы и др. Количество учащихся постоянно менялось, в лучшие годы оно составляло около 300 человек. Из-за материальных проблем и сокращения числа учащихся Валгаская русская гимназия в 1935 г. вынуждена была закрыться, а с 1946 г. функционировала как средняя школа.

В других европейских государствах год от года стало уменьшаться число заявлений о поступлении в гимназию. Отпала необходимость препятствовать денационализации и ассимиляции русских детей. Для большинства семей главным стало воспитание подрастающего поколения в качестве граждан той страны, в которой они родились и живут. Представители «второй волны» эмиграции (с 1944 г.) также стремились давать своим детям образование в национальных учебных заведениях с целью их адаптации.

Дольше всего просуществовала русская гимназия в Париже. Тем трагичнее история ее закрытия. К началу 1950-х годов в школе было не более 75 учащихся, ухудшилось ее финансовое положение. Тогда совет гимназии договорился с одной частной французской средней школой, испытывавшей трудности с местами для учащихся: французская сторона оплачивала часть расходов по содержанию дома и преподавателей всех предметов, кроме так называемого «русского компонента». Число учащихся возросло, но уже половину из них

составили французы. Ученики занимались вместе, но французские дети не испытывали повышенного интереса к русской культуре, скорее наоборот.

Поскольку гимназия по своему составу перестала отвечать первоначальному назначению, владелица дома подала в суд, обвинив руководство гимназии в своеволии, а французскую сторону — в намерении занять помещение. Процесс, длившийся три года, закончился в 1961 г. победой Л.П. Детердинг. Русская гимназия в Париже прекратила свое существование, а здание было передано в распоряжение Организации помощи престарелым русским беженцам [18].

Закрытие русской гимназии в Париже имело символический характер. Оно положило конец истории русской гимназии за рубежом, хотя в действительности это произошло раньше — в 1938–1944 гг. Несмотря на то что на протяжении четверти века она развивалась вдали от России, мы можем рассматривать ее историю как часть процесса, начавшегося еще в XVIII в. Со времен академической гимназии Санкт-Петербурга был пройден большой путь, но становление отечественного гимназического образования продолжалось даже в эмиграции, поскольку гимназия и за рубежом оставалась русской школой. Именно здесь она приблизилась к структуре современного гимназического образования, сложившегося в Западной Европе во второй половине XX в.

1. *Александрова Ю.* Расцвет и упадок русской школы (www.rusedina.org/print/?id=1963).
2. *Антропов О.К.* Париж как культурный центр зарубежной России (1920–30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (www.nivestnik.ru/2001_1.index.shtml)
3. *Антропов О.К.* Берлин как культурный центр Зарубежья (1920–30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (www.nivestnik.ru/2001_1.index.shtml)
4. *Бем А.* Наблюдения и выводы. В Сб.: Дети эмиграции / Под ред. проф. В.В. Зеньковского. Прага, 1925.
5. *Бирман М.А., Горяинов А.Н.* Русские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х годов // Новая и новейшая история. 2002. № 1. С. 173–193.
6. *Бондаренко Олеся.* Русское образование в Эстонии в 1918–1940 гг. (<http://partizaan.boom.ru/pamjat.html>).
7. *Вербин Евгений.* «Сберечь... остаток культурных сил России» // Эхо планеты. 2001. № 10. С. 26–31.
8. *Ветровцова Алла.* Первая русская гимназия Чехии разместилась в лагере для военнопленных (<http://www.lenta.cz/0012/46gymnazia.htm>).
9. *Волошина В.Ю.* Культура русского Зарубежья: Мультимедиа курс. Омск, 2001 (http://aleho.narod.ru/book/_obrazovanie.htm)
10. *Герасимова Н.П.* Профессора и студенты // Русские без отечества. Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. М.: РГГУ, 2000.
11. *Ильинский А.* Проблемы денационализации и национального воспитания // Опыт. 1965. № 51.
12. *Йованович Мирослав.* Как братья с братьями. Русские беженцы на сербской земле // Родина. 2001. № 1. С. 144–146.

Литература

---

13. *Кондратьева М.А.* Русская гимназия в условиях эмиграции (20-е годы) // Вестник Ун-та Рос. акад. образования. 1998. № 1. С. 78–86.
14. *Косик В.И.* Первая русско-сербская гимназия в Белграде. 1920–1944 гг. (<http://pedagogics.narod.ru/tezis/T39.htm>)
15. *Косик В.И.* Русская молодежь в эмиграции // Славяноведение. 2003. № 4. С. 47– 53.
16. *Маслов Виктор.* Первая волна русской научной эмиграции в Чехословакии // Поиск. 2000. № 18. С. 12.
17. *Михайлова Наталья.* История города сквозь призму истории школы // Курьер недели. 2003. № 61.
18. *Мнухин Лев.* Нужный очаг русской культуры... // Русская мысль. 2000. № 4335.
19. *Петрушева Л. И.* Русская акция правительства Чехословакии и эмиграция из России (www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/minsk_p.shtml)
20. *Раев Марк.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994.
21. *Рейман Ирина.* Русская гимназия: заглянем в прошлое (www.rusedina.org/print/?id=484)
22. *Роберова Е.* Формирование русской диаспоры в Латвии и Эстонии (www.mpa.ru/analytics/issue.php?id.=121)
23. Русское зарубежье // Педагогическая энциклопедия. Т.2. М., 1999.
24. *Скворцова А.* Политика культурной интеграции // Мысль. 2003. № 1.
25. *Швайко Валентина.* Некоторые аспекты развития русской культуры в Полесском воеводстве в 1921–1939 годах (www.mochola.narod.ru/shvayko.doc)